

подтверждают данные архивных документов о том, что материально-техническая база техникума была недостаточной для нормальной организации учебного процесса. Кроме того, тяжёлым было материальное положение учащихся. Например, Юхневич Марина Мартыновна, которая в техникум поступила в 1964 г., вспоминала, что «...стипендия была 22 рубля и сколько-то копеек... Ну, конечно, маловато. Если помощи из дома нет, учиться совсем тяжело. Дороги там никакие были. Мы там по грязи. Удобств никаких. У нас так в общежитии туалет был на улице. Так вечером мы всегда бегали кучей вместе, как боялись девчонки. Все такие свои были, молодые. Мы вместе все». Кроме интересных фактов об организации учебного процесса и бытовых трудностей, бывшие ученики техникума вспоминали про особенности повседневной жизни и увлечениях, характерных для молодёжи того времени. Например, все интервьюированные говорили о том, что за одеждой и обувью они ходили или ездили в Латвию, подчеркивая, что качество латвийской одежды было намного лучше по качеству и фасону. С теплотой вспоминали о сельских танцах и походы в кино. Информации подобного рода не содержится в архивных документах, что делает устную историю важным дополнительным источником по теме.

Таким образом, основными источниками по данной теме являются архивные документы и материалы устной истории. Детальное изучение каждого вида источников, анализ, сравнение и сопоставление информации позволит реконструировать события прошлого и вывести исследование по истории образования Бигосово на качественно новый уровень.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 124-П «Первичные организации Коммунистической партии Белоруссии учреждений народного образования Витебской области (Первичные организации КПБ учреждений народного образования Витебской области)».
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА г. Полоцка). – Ф. 1066 «Полоцкий строительный техникум». Оп. 1. Д. 1.
3. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 129 «Верхнедвинский районный Совет депутатов. Верхнедвинский районный исполнительный комитет, г. Верхнедвинск Витебской области».
4. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1487 «Бигосовский специальный детский дом».
5. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1487 «Бигосовский специальный детский дом». Оп. 1. Д. 1.
6. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 154 «Бигосовский сельский Совет депутатов и исполнительный комитет, д. Бигосово Верхнедвинского района Витебской области». Оп. 2. Д. 148.
7. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1738 «Учреждения образования Западной железной дороги».
8. Устная история [Электронный ресурс] // Устная история. – Режим доступа: www.studme.org. – Дата доступа: 10.01.2019.

Сумко Е.В.

САМОГОНОВАРЕНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В ДИСКУРСЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ ВИТЕБЩИНЫ

Проблематика жизнеобеспечения в исторической науке активно дискутируется в поле междисциплинарного диалога. В современных исследованиях предметно-объектная область расширяется за счет присоединения сюжетов о психологическом микроклимате и системе ценностей в крестьянских коллективах, о выработанном крестьянством механизме преодоления трудностей в условиях трансформации социально-экономического и политического строя. Это стало возможным благодаря расширению источникового поля исследований и активному использованию материалов устной истории, которые позволяют понять динамику рассматриваемой проблемы, зафиксировать определенную картину, созданную коллективной памятью.

В период послевоенного восстановления система жизнеобеспечения белорусской деревни имела свою специфику. В условиях разрушенной войной экономики, для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы как опробированного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов, промышленных центров. В свою очередь, для сельского населения «послевоенное восстановление» означало восстановление личного хозяйства, разрушенного войной, которое являлось основным источником жизнеобеспечения крестьянской семьи. Сельчане в своих воспоминаниях подчеркивают, что получить «живые деньги» за работу в послевоенном колхозе было практически невозможно, а реальные суммы выплат были чрезвычайно мизерными. В тяжелых

условиях крестьяне, чтобы выжить и прокормить семью, были вынуждены прибегать к нелегальным способам жизнеобеспечения, которые зачастую имели криминальный характер. Это зафиксировано в архивных документах, однако именно материалы устной истории позволяют глубже понять суть проблемы, изучить неформальные практики, которые осуществлялись за пределами колхозной системы. В 2000–2010-х гг. полевыми этнографическими экспедициями Полоцкого государственного университета было записано более 150 воспоминаний сельских жителей Витебщины. Часть из них опубликована, часть хранится в фольклорном архиве ПГУ.

В фактически экстремальных условиях важным дополнительным источником жизнеобеспечения было самогонование, которое представляло собой эффективный способ “конвертации” сельскохозяйственной продукции в “живые деньги”. В первые послевоенные годы прагматика самогонования носила преимущественно коммерческий характер, поскольку продажа самогона давала необходимые ресурсы для восстановления собственного хозяйства, приобретения предметов первой необходимости [4, с. 128]. Респонденты отмечали, что самогон был средством расчёта за разные бытовые услуги, а также играл важную роль во время товарообменных операций, как в сельском социуме, так и между городом и деревней: *“Яна ж ідзе на базар. Таргуець. Яны і папрасяць: “Ты мне ў такую та хату прынясі, дамоў”. Гналі з бульбы, зярно прарошчвалі. Баня стаяла над ракой, там і гналі. Мама насіла ў Дрысу. Занясець у хату знаёмым жыдам бутылку ці дзве і на мыла там, на соль, на табаку, запалкі. Гэтага не было ў магазінах. Плацілі тым жа, што яна прасіла”* [7]. Воспоминания позволяют понять схему по которой действовали люди: *“Мама наварит самогонки. Ведро зерна – за бутылку. Ведро зерна она прорастит и сделает самогонку. Пойдет в Миоры, купит зерна – пуд. Принесет на плечах этот пуд. С одного ведра она сделала самогонку, чтоб купить еще, а с другого, смолота и нас накормила, туда картошки добавила. Люди выживали сами”* [6].

Полевые экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что самогонование имело тотальное распространение в послевоенной деревне. Размах кустарного производства алкоголя во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. подтверждается архивными документами (преимущественно это материалы прокуратуры и отчётная документация партийных органов). Внимание к этой разновидности нелегальных промыслов возросло после издания указа Президиума Верховного Совета СССР “Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона” (7 апреля 1948 г.), который ужесточил санкции за изготовление самогона и сбыт в виде промысла (лишение свободы на срок от 6 до 7 лет с конфискацией имущества) и вводил уголовную ответственность за изготовление самогона без цели сбыта (лишение свободы на срок от 1 до 2 лет), за что раньше предусматривалась административная ответственность [2, с. 5]. Архивные документы содержат статистические данные, половозрастной и социальный состав осужденных, наиболее распространённые случаи самогонования. Например, только в Полоцкой области за 1948 год к судебной ответственности за самогонование и сбыт нелегального алкоголя было привлечено 673 человека [1, л. 7]. В частности, было изъято 120 самогонных аппаратов, 404 литра самогона, 618 ведер браги, на изготовление которой ушло почти 3 тонны сельскохозяйственной продукции (ржи, картофеля, свеклы). При этом, как отмечала прокуратура Полоцкой области, наибольший размах самогонование имело в западных районах, где еще сохранялись единоличные хозяйства, которые имели достаточные ресурсы для изготовления домашней водки.

Материалы устной истории фиксируют, что крестьяне осознавали, что самогонование – это незаконный вид деятельности, который жестко карался. Однако страх перед наказанием уступал прагматическим соображениям. Необходимо отметить, что большинство респондентов – женщины второй половины 1920-х – 1930-х годов рождения, которые в силу своего возраста воспроизводили опыт своих родителей, поэтому в воспоминаниях не фиксируется цена самогонки применительно к первым послевоенным годам. Однако протоколы Полоцкой областной прокуратуры фиксируют, что за бутылку самогонки на чёрном рынке в 1948 г. можно было выручить от 25 рублей. Для крестьянина, который фактически работал бесплатно в колхозе: *“Нада ж дзе заробіць, а давалі што нам – гірсы дадуць, яны ж гэта пасеюць уражай, а тамачка нічога добрага ня вырасцець. На трудадзень на той дадуць па колькі грам гірсы, а мы і тога змелем, рэдка, дзе жыціна пападаецца, змелем, хлеб пяхом”* [3, с.259], это был очень выгодный бизнес. Нарративы

фиксируют, что основными точками сбыта самогона были города, поселки, железнодорожные станции, военные гарнизоны, где население получало зарплату реальными деньгами.

Материалы экспедиций позволяют сделать вывод о том, что на усиление репрессивных мер со стороны государства крестьяне вырабатывали свои механизмы обхождения закона: от тайных способов производства до реализации продукции по каналам социальных сетей. Самый озвучиваемый сюжет – это как гнали и где гнали самогонку. При этом часто повторялась формула: «никто ни на кого не доносил», подчёркивая, тем самым, определённую степень солидарности и взаимопомощь сельского коллектива, который был заинтересован в производстве запрещенного продукта: “ – *Тайна, ноччы. За кладбішчам, у Каркальцы, там куст быў і вада на месце, там балота было. Ну, дак самагонку гналі і хату строілі. – (Не сдалі ніхто?) – Не сдалі. Там уся дзярэўня гнала. 22 хаты было і дзярэўня настаяшчая была. Дзярэўня ў лясу была. Цяпер можа і сдалі. (А чаму тады не здавалі?) – Тады людзі былі гаратныя, але яны дружныя былі. А цяпер яны назварэлі ўжо ад багатства”* [8]. Тем более, что распространённым были случаи, когда самогонный аппарат был один на всю деревню. “Общая тайна” четко противопоставляла деревенскую общину местным властям и позволяла успешно избегать наказания. Однако необходимо отметить, что такая ситуация была характерна для небольших деревень, удаленных от крупных населенных пунктов или дорог, где состав населения фактически не менялся.

Сюжеты, связанные с самогонварением, позволяют глубже понять систему социальных связей в сельском сообществе, специфику взаимодействия “власть и народ”, “милиция-население”. Нелегальный характер производства самогона при его экономической востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов. Материалы экспедиций фиксируют, что если сотрудник милиции воспринимался как неотъемлемая часть властной вертикали, исполнитель официально установленных государственной властью правил поведения и ассоциировался с ограничительной и карательной деятельностью, то колхозное начальство было органической частью сельского социума, имело собственное представление и отношение к самогонварению, которое могло отличаться от официальной позиции государства. Респонденты вспоминают, что колхозное руководство отлично понимало реальное положение дел в послевоенной деревне и значимость самогона для сельского сообщества. Не случайно, когда речь шла о производстве алкоголя для личных нужд, прежде всего для надлежащего проведения свадеб или похорон, председатель колхоза иногда не только закрывал глаза на самогонварение, но мог выделить необходимое сырье для его изготовления [Сумко, 130]. Присутствие колхозного руководства на таких торжествах было обязательным, что не в малой степени способствовало интеграции всего коллектива. Кроме того, часть респондентов вспоминала, что самогон приобретался в качестве средства стимуляции и поощрения труда в тяжелейших послевоенных условиях: “*Калі гулянкi. Дажэ, калі Кемстач (старшыня калгасу – аўт.) стаў работаць, усёгда делалі н’янкi, што зробіць субботнікі, так абязцельна гулянкi. Самагонку ездзілі па дзярэўнях куплялі. У нас тут дужа не займаліся, а па людзях ездзілі і куплялі канкі (1 канка – 30 літраў). Дзве купім і гулянку гуляем. (Так гэта начальства калхознае пакупала, штобы людзей угасціць?) – Да. Начнецца жыта жаць, затым абязцельна абжынкi. Дажэ без ніякіх нічога. Заканчваецца касенне і тут гулянку справіць. Ён плаціў, каб людзі шлі”* [5].

Постепенно самогон прочно вошел в жизнь деревни и начал выполнять не только утилитарную, но и социально-культурную и даже ритуальную роли. Соотношение потребительского и товарного компонентов самогонварения начало изменяться по сравнению с первыми послевоенными годами, где преобладала преимущественно “коммерческая составляющая”. Из анализа полевых экспедиционных материалов следует, что в послевоенный период без самогона не обходился ни один праздник как календарного, так и семейного цикла. Самогон фигурировал даже в сфере народной медицины как средство для изготовления различных лекарственных настоев. Вместе с тем необходимо отметить, что все респонденты подчеркивают, что несмотря на производимые объёмы, существовала определенная регламентация потребления в сельском сообществе, обусловленная морально-этическими установками традиционного общества. Знакомость самогонварения в будничной, хозяйственной и обрядовой жизни послевоенной белорусской деревни проявилась и в том, что “самогонная” тема нашла свое отражение в шуточном блоке песенного фольклора, чрезвычайно популярном в среде колхозников.

1. Зональний державний архів в г. Полоцке ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 964. Оп. 2. Д. 49.
2. Костров, А. И. Расследование самогоноарения / А. И. Костров. – Минск : Университетское, 1988. – 48 с.
3. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч.2. – 368 с.
4. Сумко, А. В. Эканамічны і соцыякультурны аспект самагонаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х – 1960-х гг. / А. В. Сумко // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. – 2018. – № 9. – С.127–135.
5. Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (ФАПГУ): Записано в 2018 г. от Моисеенко Мария Филипповна, 1931 г.р., д. Муравщина Полоцкого р-на Витебской обл.
6. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Немененок Ванды Михайловны, 1936 г.р. д. Жигули Верхнедвинского р-на Витебской обл.
7. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на Витебской обл.
8. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Трапук Зинаида Васильевна, 1932 г.р., д. Азерники Верхнедвинского р-на Витебской обл.

Козлов А.А.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ (1953–1991 ГГ.)

Осуществляя охрану государственных тайн, цензура сама была государственной тайной. Это подтверждает последний пункт «Перечня сведений, запрещающих к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», на который в своей работе опирались органы цензуры, запрещал разглашать сведения об органах Главлита СССР, раскрывающие характер, организацию и методы их работы [8, с. 103]. Конечно, нельзя сказать, что существование цензуры полностью отрицалось. Во 2-м издании Большой Советской энциклопедии (1957) и в справочнике «Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.)» существование цензуры в стране признается. В более поздних изданиях БСЭ термин «цензура» употребляется только в отношении царской России или капиталистических стран [2; 3, с. 472]. Когда в последующих изданиях БСЭ речь шла о СССР, то понятие «цензура» в них заменено на «государственный контроль за средствами массовой информации» [1].

Однако, официально не признаваемая цензура была важнейшим институтом. Осуществляемая Главлитом, а на местах его подчиненными органам – обллитами, она контролировала различные информационные потоки, оказывала значительное влияние на советское общество. Поэтому изучение истории местных органов цензуры предполагает привлечение широкого круга источников, при исследовании которых можно обнаружить сведения о взаимодействии обллитов с вышестоящими инстанциями и контролируруемыми объектами.

В настоящее время, благодаря работе отечественных и зарубежных исследователей введено в научный оборот большое количество документов, касающихся деятельности органов цензуры. Собранные в сборники они играют существенную роль в отражении малоизвестных сюжетов из истории политической цензуры принадлежит сборникам опубликованных документов. Например, вторая часть книги «Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы» представляет собой сборник документов, в котором собрано большое количество материалов, касающихся органов цензуры, которые трудно найти в других источниках. Письма, записки и другие многочисленные документы, как со стороны органов политической цензуры, так и со стороны тех, кому приходилось иметь с ней дело, позволяют воссоздать реальную картину их взаимоотношений [10]. Источниковую базу дополняют также материалы из сборников документов «Цензура в Советском Союзе, 1917-1991: Документы», «Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры», [14; 5]. Однако, по преимуществу, там представлены материалы центральных архивов, без учета реализации цензуры на местах, что не позволяет в достаточной мере рассмотреть местные особенности практической деятельности обллитов.

Рассматриваемые источники, касающиеся обллитов, можно выделить в несколько групп.

Первая группа источников включает в себя, постановления Совета Министров СССР. Важнейшим документом по изучению деятельности обллитов являются постановления СМ СССР, в прямом подчинении которому находились органы советской политической цензуры, за исклю-